

УДК 340.115

Б.М. Лепешко*д-р ист. наук, проф., проф. каф. философии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина***МЕТОДЫ В ПРАВЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АЛЬТЕРНАТИВЫ**

Рассматриваются исследовательские методы, применяемые в юриспруденции. Проблема методов решается в трёх аспектах. Первый: изучение эвристических возможностей метода как инструмента гносеологического поиска. Второй: демонстрация альтернатив теоретического характера по отношению к возможности применения методов в праве. Третий: сопоставление классического и неклассического подходов в методологическом ракурсе. Исследуется междисциплинарный характер современной методологии права и возможности интегративной методологии.

Говорить о методах в праве необходимо, главным образом, постольку, поскольку они являются важнейшим инструментом гносеологического процесса. Обращение к методам в праве – это обращение к вопросу об эвристических возможностях логики, её инструментария, наработанного столетиями, для решения важнейших практических вопросов. И начать, очевидно, необходимо с вопроса о том, существуют ли на самом деле специфические, чётко очерченные «правовые методы»? Ссылка на то, что «вопрос является дискуссионным», нам мало что даёт. Попробуем вычленить основные подходы, сложившиеся в правовой науке по отношению к данному феномену.

Польские исследователи Е. Стельмах и Б. Брожек в специальном монографическом исследовании «Правовые методы» считают, что по отношению к методологии права и методов в праве исторически существуют несколько точек зрения, которые можно свести к трём основным. Это, во-первых, «крайняя» точка зрения, отрицающая вообще наличие специфических методов в праве. Традицию отрицания методологии права и специфических методов права заложил немецкий юрист фон Кирхман в середине XIX в. Далее это т.н. «методологическая гетерономия», представители которой занимали умеренную позицию. С их точки зрения, право тогда «работает» с научными методами, когда заимствует их из наук, чья «научность» не вызывает сомнений. Это математика, физика, биология и т.д. Самый высокий уровень этого подхода представляет аналитическая философия права. Здесь оформились два основных подхода: логико-математический и лингвистический. И последняя позиция, которую можно обозначить как «методологическая автономия». Право автономно, главными критериями научности правовых положений являются критерии «внутренние», собственно правовые. Представители этой точки зрения полагают, что «наука права должна выработать собственную методологию, отличающуюся от той, которой пользуются представители наук формальных (математика и логика) и естественнонаучные дисциплины» [1, с. 25]. Необходимо признать, полагают польские юристы, что исторически спор не завершился чьей бы то ни было победой, поэтому имеет смысл сосредоточиться на исследовании конкретных методов в праве, и польские авторы выделяют четыре таких метода: логика, анализ, аргументация и герменевтика. В данном случае мы не будем анализировать обозначенные методы, поскольку эти дефиниции требуют подробного и критического рассмотрения. Отметим лишь, что дифференциация категорий «логика», «анализ» и «аргументация» связана с традицией рассмотрения этих понятий в рамках польской логической школы.

Для сравнения: вот как рассматривает данную проблему российский юрист А.С. Автономов. Аналогом той «крайней» точки зрения, о которой говорили польские учёные, явилась позиция отечественного юриста XIX в. М.С. Строговича, который утверждал, что никакой особой юридической методологии в отечественной государственно-правовой науке не создано. По мнению А.С. Автономова, сегодня большинство учёных не согласны с таким подходом. Правда, нельзя не учитывать, что общей точки зрения на данный предмет исследования не существует до сих пор. «Если под методологией понимать, прежде всего, науку о методах, то действительно, специальной правовой методологии как отрасли науки не создано. Однако вызывает сомнения возможность создать специальную правовую методологию именно в качестве самостоятельной отрасли науки. По-моему, – продолжает российский учёный, – очевидно, что правовая методология представляет собой не отдельную науку, а некую область знания, находящуюся на границе методологии как науки о методах и юридических науках» [2, с. 94]. Конечно, прав А.С. Автономов в той части, когда утверждает, что универсального юридического метода не существует, но вот вопрос о специфике юридических методов всё же остаётся, на наш взгляд, открытым.

Для того чтобы убедиться, что поиски в этом направлении продолжаются (и поиски достаточно плодотворные), отметим факт появления в польских, например, учебниках по логике глав и разделов, которые посвящены именно методам в праве и нацелены на то, чтобы студенты могли не просто знать, но и активно работать с правовыми, по сути, методами. Оговоримся, что многие авторы достаточно осторожно фиксируют собственно правовые методы. Речь чаще всего идёт о применении ряда методов в праве, специфике применения этих методов в праве, понимании того, что именно в праве те или иные методы могут приносить наибольший эффект. Вот, например, А. Койдер и З. Цывинский выделяют в качестве таких методов метод анализа личных документов, метод анализа государственно-правовых документов, экспериментальный метод (прежде всего в социологии права), метод вывода (под ним понимается, прежде всего, дедукция) и т.д. [3, с. 403–415]. Заметим, что в этом контексте привлекаются достижения иных наук и полученные результаты выглядят как «правовые». В качестве примера – «проекционный метод», заимствованный из психологии. Суть его в том, что исследуемые граждане искусственно попадают в ситуацию, которой они сами придают некое значение, формируют цель, определяют ценности и, как результат, определяют собственное правовое поведение. Насколько удовлетворительным выглядит такой подход, можно, конечно, спорить.

Следует упомянуть: классик юриспруденции Г. Кельзен предполагал, что право располагает своими собственными специфическими методами. Это догматический и нормативный методы. Что касается нормативного метода, то в его рамках норма изучается как логическое суждение особого рода; определяется логическая природа нормы, образующие её элементы, система норм, связи, которые объединяют разнородные явления и процессы в единое целое. Нормативный метод заключается в интеллектуальной «обработке» норм, выяснении и выделении их отдельных черт и элементов путём сравнения, анализа и иных логических операций. Основная особенность догматического метода заключается не в том, что в его поле зрения находятся нормы права, а в том, что эти нормы рассматриваются как самодовлеющая и замкнутая система, из которой выводятся все основные правовые положения вплоть до юридической справедливости. В связи с этим в юриспруденции особенно важным методом остаётся догматический метод, который иногда называют формально-юридическим. Данный метод заключается

в выяснении действующих правовых норм, их анализе, обобщении, классификации и конструировании новых понятий на основе уже существующих в правоведении общих понятий и определений. Догматический метод в совокупности с критическим методом, заключающимся в оценке тех или иных явлений с точки зрения определённого идеала, образуют то, что можно назвать «юридическим мышлением».

Существуют и иные подходы к определению методов правовых исследований. В частности, С.А. Калинин полагает, что имеет смысл выделить (среди системы методов) методы общеправовые, методы общенаучные и методы частные. Это традиционный подход (обратим внимание: речь о специфически правовых методах не идёт). В то же время, характеризуя некоторые частные методы, учёный даёт понять, что их вполне можно зачислить «по ведомству» именно правовых методов. Это формально-юридический метод, сравнительно-правовой, метод толкования права и т.д. [4, с. 7–17].

Отдельный вопрос: каким образом применяются те или иные правовые методы в практике юриста? Здесь, на наш взгляд, имеет смысл рассмотреть данную проблему в двух смысловых разрезах: практическом и теоретическом. Вначале несколько уточнений, связанных с практическим контекстом применения метода. Уточнение первое: метод, его наличие не самоцель. Достаточно вспомнить классические романы Ж. Сименона, в центре которых находится впечатляющая фигура комиссара Мегрэ, детектива, плебея, которому чужды интеллектуальные изыски, аполитического и очень «народного» человека. Применительно к комиссару Мегрэ (насколько нам известно) фактически нет работ, в которых бы исследовался его метод. И понятно почему: здесь нет отсылок к образцам дедуктивного метода, рядом с Мегрэ нет своего Ватсона, который бы пробовал применить его дедукцию на практике. Нет аналогий мисс Марпл из романов А. Кристи, а что есть? Есть постоянное нахождение в гуще людей, постоянный сбор материалов, фактов. Вот, например, в романе «Мегрэ и бродяга» можно найти редкое для Ж. Сименона замечание по поводу метода, применяемого комиссаром Мегрэ, но оно вряд ли удовлетворит взыскательных ценителей жанра. Ведь комиссар никогда не говорил о своём расследовании ни с женой, ни с ближайшими помощниками, ни с начальством. «Что вы думаете обо всём этом, Мегрэ?» – зачастую спрашивал его следователь после выезда на место происшествия. Ответ был всегда один: «Ничего не думаю, господин следователь». И здесь же ремарка по поводу метода: «Таков уж был его метод работы: самому добраться до сути, постепенно вникая в жизнь людей, о существовании которых он накануне ещё и не подозревал». В одном из произведений Мегрэ вспоминает назидание своего первого наставника, комиссара Ксавье Гишара, который говорил молодому полицейскому: «Все эти разговоры об интуиции и прочем – чепуха. Нужен факт, на который можно опереться. Когда есть реальный, непротиворечивый, объективный факт – вот от него и надо плясать». Мегрэ и «пляшет»: толкается в очередях, беседует с привратниками и консьержками, ходит целый день по улицам, дворам, значным местам, хотя очевидно, что эту работу могли бы выполнить и рядовые оперативники. Он ищет что-то осязаемое, на что можно было бы опереться в дальнейших поисках. Метод – это не волшебная палочка, с помощью которого можно найти отгадку самым запутанным вопросам. Но это, вне сомнений, очень мощный инструмент в умелых руках.

Уточнение второе: ныне существует своего рода пренебрежение к методу, которое (пренебрежение) несправедливо и чревато негативными последствиями. Обратите внимание на современные детективные произведения, киносериалы. Можем ли мы сказать, что тот или иной герой (следователь, главным образом) вооружён каким-то определённым методом и решает поставленные задачи именно на основе этого метода? Нет,

не можем. В ходу «женская интуиция», особые озарения, возможность увидеть то, чего не видят другие и т.д. А призывы к логике, которые тоже можно услышать достаточно часто, сводятся к неким заклинаниям, за которыми не видно никакого содержательного поля. Эти уточнения (первое и второе) вовсе не противоречат друг другу, как это может показаться. Везде и всегда нужен баланс – интеллектуальный, интуитивистский, логический, рациональный и иррациональный. В конечном счёте, всё решает результат, а каким путём он достигнут – вопрос второстепенный. Но в том-то и дело, что инструментарий логического характера может сыграть определяющую роль. Стоит здесь поразмышлять и вот о чём. Для студента, молодого исследователя вопрос метода при «вхождении» в научную жизнь не просто второстепенный: иногда метода для него реально не существует. О методе вспоминают лишь тогда, когда встречаются с требованием «инструкций» обозначить методологический контекст представленного для рассмотрения опуса. Но весь вопрос в том, что метод – это не форма принудительного ответа на требование формалистов от науки. Метод – это тот инструмент, который может существенно расширить эвристические возможности исследователя, мало того, придать его теме совершенно новый, ранее неизвестный ракурс.

И третье уточнение: жизнь не стоит на месте, право постоянно «вбирает» методы иных наук, иных направлений развития человеческого знания, и потому очень важно и в вопросе применения (развития) методов всегда быть хотя бы на полшага впереди людей, планирующих преступить закон или уже совершивших преступление. И здесь речь не обязательно должна идти о новых средствах криминалистической экспертизы, новых достижениях технического свойства. Возможности логики столь же неисчерпаемы, как и возможности человеческого мозга, мышления в целом. Далеко не случайно представители ведущих западноевропейских правовых концепций (феноменологии, герменевтики, синергетики и т.д.) постоянно подчёркивают рационалистический, т.е. формально-логический контекст теоретических новаций. Даже в том случае, когда представители неклассического знания говорят о важности, например, замены логической операции определения внелогической операцией описания, они оперируют вполне добротными аристотелевскими подходами, связанными с процедурами определения понятий, их деления, соотношения их объёмов и т.д. Примечательно, что те книги авторов, защищающих неклассические подходы к праву, сопровождаются вполне классическим словарём терминов, вполне классической дедуктивно-индуктивной логикой рассуждений. Возможно, это связано с недостаточной разработанностью неклассической методологии применительно к праву и соответствующим процессам. Тем не менее здесь мы скорее можем говорить о «взаимопроникновении» и «взаимодополнении» теоретических подходов, нежели об их поляризации.

Говоря о теоретическом аспекте работ в области методологии, методов права, необходимо сконцентрировать внимание на следующих основных тенденциях. Первое: как считает один из белорусских авторов, решение методологических проблем возможно в рамках двух подходов – обоснованием нового метода и критикой предыдущих методологических стратегий. «Важной тенденцией в этом случае выступают обоснование новых и критика уже сложившихся подходов, а также проверка новых методов на их научную и практическую адекватность» [5, с. 7–8]. Причём новый метод рассматривается в аспекте именно постнеклассической научной парадигмы. Здесь со всем можно согласиться, кроме одного: почему отношение к «старым» методам должно быть обязательно критическим? Несложно предположить, что тем самым подчёркивается исчерпанность возможностей традиционных методов права, которые не могут быть «модер-

низируются» в рамках «старых», классических подходов. Ныне являются востребованными методологические новации, основанные на терминах, которым придаётся некое глобальное теоретическое звучание. Скажем, это «диалог» (опорная дефиниция концепции И. Честнова), «коммуникация» (базовый термин теории А. Полякова) и «вырастающие» из них системные теоретико-правовые конструкции. Однако важно подчеркнуть и иное – наличие своего рода «третьего пути», который может быть связан с развитием классических форм мышления. Т.е. развитие методологии как науки о методах вовсе не связано исключительно с теоретическими новациями постнеклассического характера. Можно и нужно развивать теоретическое знание на основе наработанных средств и форм развития знания. Впрочем, говорить об этом – значит ломиться в открытую дверь, поскольку как раз на этом пути оформляется и развивается качественно новое знание. Правда, в ряде случаев с постоянными оговорками, что, дескать, нами признаётся важность неклассической парадигмы знания, но вот позвольте всё же высказаться в рамках классических парадигм знания. Но сомневаться здесь в собственной правоте вряд ли стоит. Привлекательной в этой связи выглядит позиция известного российского нормативиста М.И. Байтина, который открыто и без экивоков защищает именно нормативистскую концепцию правопонимания. В данном случае, не углубляясь в полемику по сущностным вопросам, хотелось бы отметить именно методологический подход, связанный с чётким обозначением приоритетов. Скажем, сторонникам (и многочисленным) различных вариантов интегративной юриспруденции учёный заявляет о её «малоперспективности». Протестует против проникновения в сферу права иррационального и даже мистического знания, проникнутого началами космизма и т.д. [6, с. 18]. Повторюсь: точно также можно цитировать тех учёных, которые находятся на иных методологических позициях, но близки цитируемому нами автору в части чёткого и ясного выражения методологических приоритетов. В этом аспекте имеет смысл поддержать позицию В.П. Малахова, который отметил следующее: «Допущение методологического разнообразия в теории государства и права не означает её идейной неопределённости, а именно: все возможные методологии лишь в разных аспектах отражают право и государство как универсальные свойства общественной жизни» [7, с. 43].

Второе: среди достаточно большого количества различных методологических подходов для нас важным является формально-логический подход или формально-логическая методология. Назвать эту методологию узкоспециализированной, т.е. имеющей исключительное отношение к какой-либо одной сфере знания, нельзя: это базовая методология, распространённая во всех областях знания. Её специфика обнаруживается, прежде всего, в практике построения системы суждений о различных процессах, предметах теории государства и права на основе процедур и законов формального мышления и, прежде всего, аристотелевской силлогистики как наиболее последовательного и максимально «чистого» (в части дистанцированности от эмпирического знания) содержания. Как отмечает один из российских юристов, «построение теории государства и права с помощью формально-логической методологии создаёт для неё возможность выступать в качестве кальки практического юридического мышления (формально-логического по своей сути), а также стимулирует обратный процесс – трансформацию практического мышления в теоретизирование, что составляет основу юридического мировоззрения» [8, с. 9]. В ходе применения данной методологии необходимо опираться на стандартные формально-логические принципы (определённости, обоснованности, универсальности, рациональности и т.д.), вместе с тем важны и уточнения специального характера. Например, следует учитывать, что в рамках применения дан-

ной методологии увеличение объёма теоретических знаний идёт за счёт не имеющей меры дифференциации, детализации понятийного аппарата, в результате чего теория оказывается громоздкой, сущность правопонимания теряет определённую определённость, теория может терять какие-то основные компоненты именно юридического характера. Следует учитывать и то, что ряд методов в пределах рассматриваемой методологии (аналогии, сравнения) ненадёжны, поскольку исследуемые процессы весьма сложны, а отражаемые процессы – многофакторны. Именно о недостатках формально-логического подхода говорит, например, А.С. Александров, когда обращается к тексту Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Учёный обращается к терминологии, принятой в УПК, и задаётся вопросом: каково отношение субъекта доказывания к объекту доказывания, какова природа используемых субъектом средств доказывания и что является результатом судебного доказывания? Опуская целый ряд важных замечаний, отметим главное: объект и субъект познания зависимы от языка, основная реальность, с которой имеют дело участники судопроизводства, есть словесная, текстовая действительность. А «языковой опыт субъектов, участвующих в уголовном деле, является определяющим условием для бытия “фактов”, “обстоятельств”, “оснований” в судебном дискурсе» [9, с. 12]. Автор указывает, что формально-логический инструментарий в этих условиях имеет ограниченный эффект, поскольку необходимо привлекать внимание к иным средствам и возможностям: лингвистическим (ибо судебное доказательство есть процесс, реализуемый в судебной речи), идеологическим, этическим и иным. Впрочем, по этому поводу можно заметить, что выходом в данной ситуации может быть системная методология, системный подход.

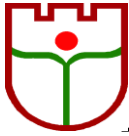
И третье: следует различать подходы, осуществляемые в науках теоретических, и науках, связанных с рассмотрением проблем в конкретных отраслях права. Проблематика правовых наук сложная и неоднородная в части решаемых исследовательских проблем. Именно поэтому применение тех или иных методов в историко-правовых науках может существенно отличаться от соответствующего процесса при обращении к конкретным отраслям права. Так, например, сегодня достаточно много новаций в части методологических подходов высказывается в рамках теории права, но фактически нет работ, где бы данные методологические новации (феноменологического, герменевтического и т.д. характера) применялись практически, к тем или иным конкретным отраслям права. Это, конечно, не случайно, поскольку идёт процесс накопления «общего», концептуального, на основе которого возможно движение к раскрытию содержания «частного». Большинство современных попыток в этом контексте – это теоретические работы общего характера, как, скажем, попытка анализа, соотношения понятий «конституция» и «право», которое предлагает И.А. Кравец. Во влиятельном российском правовом журнале он пишет, что теория современного конституционализма основывается на интерпретационных методологиях, но здесь же отмечает, что понятие «интерпретационные методологии» у нас не устоялось, нет выражения, аналогичного английскому первоисточнику. Однако «в широком смысле интерпретационные методологии – это набор методов, объясняющих роль, толкование, динамику развития отдельных конституционно-правовых институтов, их взаимосвязь в процессе реализации конституционных и других правоотношений. В узком смысле это система методов, способов, теорий конституционной интерпретации, которые применяются в процессе судебного и иного толкования конституции» [10, с. 38]. В качестве базового метода учёный выбирает герменевтику. Причём роль и значение герменевтики как метода толкования, главного средства конституционной интерпретации в целом прописано достаточно убедительно.

Однако в том случае, когда речь идёт о практике применения метода «конституционной герменевтики», примеры следуют из американской судебной системы.

В заключение приведём несколько замечаний выдающегося отечественного психолога Л.С. Выготского, которые касаются теории метода. Это важно, поскольку замечания эти носят, на наш взгляд, универсальный характер. Замечание первое: «Всякий принципиально новый подход к научным проблемам неизбежно приводит и к новым методам и способам исследования. Разработка проблемы и метода идёт если не параллельно, то, во всяком случае, совместно продвигаясь вперёд. Поиски метода становятся одной из важнейших задач исследования. Метод в таких случаях является одновременно предпосылкой и продуктом. Орудием и результатом исследования» [11, с. 41]. Замечание второе: «Опереться по-настоящему на метод, понять его отношение к другим методам, установить его сильные и слабые стороны, понять его принципиальное обоснование и выработать к нему верное отношение – значит в известной мере выработать правильный и научный подход ко всему дальнейшему изложению» [11, с. 42]. И замечание третье, непосредственно связанное с аналогией между процессами психологическими и процессами, имеющими место в юриспруденции. В частности, если обратиться к методу наблюдения (самонаблюдения), то можно прийти к важным выводам, поскольку вопрос о научной ценности самонаблюдения решается «сходно с практической ценностью в судебном следствии показаний потерпевшего и виновного. Они пристрастны, мы это знаем априори, поэтому они заключают в себе элементы лжи, может быть, они нацело ложны. Поэтому полагаться на них – безумие. Но значит ли это, что мы должны в процессе не выслушивать их вовсе, а только допрашивать свидетелей? И это было бы неумно. Мы слушаем подсудимого и потерпевшего, сверяем, сопоставляем, обращаемся к вещественным доказательствам – и так мы устанавливаем факт». Однако не следует забывать, что «есть целые науки, не могущие непосредственно наблюдением изучать предмет. Историк и геолог восстанавливают факты, которых уже нет, косвенными методами, и всё же они изучают, в конечном счёте, факты, которые были. А не следы и документы, которые остались и сохранились. Так и психолог часто бывает в положении историка и геолога. Тогда он действует как сыщик, обнаруживающий преступление, которого он никогда не видел» [11, с. 62].

Комментарий здесь может быть следующего порядка. Учёный выстраивает понимание метода на основе широкого междисциплинарного анализа, причём заметен как протест против догматизма, любых форм априоризма, так и призыв относиться к применяемым методам вне зависимости от контекста той или иной конкретной науки. Метод универсален, как универсальны требования к их построению и применению. Причём интересно и то, что критические соображения Л.С. Выготского применительно к предмету нашего рассуждения во многом повторяют уже сегодняшние критические настроения, хотя между ними почти целый век. Приведём лишь один пример. Обращаясь к теории понятий, учёный замечает: «В психологии, из-за её глубокого кризиса, все понятия стали многосмысленными и смутными и изменяются в зависимости от основной точки зрения на предмет, которую избирает исследователь. В различных системах психологии, ориентирующихся на различные методологические принципы, все основные категории исследования, в том числе и категория генезиса, приобретают различное значение» [11, с. 134]. Замените слово «психология» словом «юриспруденция», и цитата будет столь же актуальной, как и десятилетия тому назад. Особенно это касается проблемы правопонимания. Это говорит, в частности, о том, что развитие теории всегда сопровождается понятийной неразберихой, кризис в определении понятий есть свиде-

тельство кризиса самой науки, но, что важно, и развития науки. Здесь вообще присутствует диалектика самого высшего рода, поскольку развитие науки невозможно вне контекста наполнения понятий новым содержанием. Но новые понятия, их новое содержание есть следствие не только развития науки, но и применения уже испытанных формальных логических инструментов познания, связанных со всем массивом самых разнообразных методов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stelmach, J. *Metody prawnicze* / J. Stelmach, B. Brozek. – Kraków, 2011. – 296 s.
2. Автономов, А. С. Некоторые проблемы правовой методологии и технологии / А. С. Автономов // *Генетические закономерности права* : сб. науч. тр., посвящ. 90-летию проф. С. Г. Дробязко. – Минск : Бизнесофсет, 2013. – 584 с.
3. Kojder, A. *Socjologia prawa. Główne problemy i postacie* / A. Kojder, Z. Cywiński. – Warszawa, 2014. – 600 s.
4. Калинин, С. А. Методология общей теории права / С. А. Калинин // *Право. бу.* – 2011. – № 2. – С. 7–17.
5. Калинин, С. А. Субъектный подход: генезис, сущность и место в системе методологии юриспруденции / С. А. Калинин // *Правоведение.* – 2015. – № 1. – С. 6–21.
6. Байтин, М. И. Сущность права. Современное нормативное правопонимание на грани двух веков / М. И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
7. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология / В. П. Малахов // *История государства и права.* – 2009. – № 19. – С. 43–47.
8. Малахов, В. П. Многообразие методологий современной теории государства и права / В. П. Малахов // *История государства и права.* – 2010. – № 6. – С. 2–17.
9. Александров, А. С. О методологических следствиях, вызываемых терминологическими причинами (из опыта прочтения текстов УПК РФ) / А. С. Александров // *Правоведение.* – 2005. – № 5. – С. 6–18.
10. Кравец, И. А. Конституция и герменевтика: вопросы теории / И. А. Кравец // *Правоведение.* – 2003. – № 5. – С. 38–49.
11. Выготский, Л. С. *Собрание сочинений* : в 6 т. / Л. С. Выготский. – М. : Педагогика, 1982–1984. – Т. 3 : Проблемы развития психики. – 1983. – 368 с.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 05.10.2016

Lepeshko B.M. Methods in Law: Theoretical Alternatives

The research methods used in the law are described in the article. The methodological problem could be solved in three ways. The first is the study of heuristic possibilities of the method as the epistemological search tool. The second is the demonstration of theoretical alternatives in relation to the possibility of using the methods in the law. The third is the comparison of classical and non-classical approaches in the methodological perspective. The interdisciplinary nature of modern methodology of law and opportunities of integrative methodology are discussed in the article.